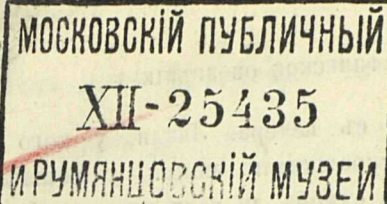

19
B 616

Обрядъ «крестить кукушку» въ Орловской губерніи.

I.

Обрядъ записанъ мной отъ женщины 36 л., бывшей мѣщанки г. Болхова, Орловской г. Она сама принимала участіе въ совершеніи его, когда была дѣвочкой. Уѣхала она давно (лѣтъ 28 тому назадъ) изъ своего города и не знаетъ, совершается ли онъ или нѣтъ до сихъ поръ. Но вспоминаетъ она объ обрядѣ съ удовольствіемъ, какъ о проявленіи дѣвичьяго веселья, говорить, что вотъ „веселья сколько было“.

Обрядъ совершался въ Духовъ день. Дѣвушки собирались для совершенія его „по улицамъ“, такъ что въ одинъ день совершалось по нѣсколько однородныхъ обрядовъ—вездѣ одинаково. Собирались въ чьемъ нибудь домѣ, у кого было удобнѣе, просторнѣе, кто былъ побогаче. Ея улица собиралась въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ въ одномъ и томъ же домѣ, людей состоятельныхъ, которые отъ себя добавляли нужные припасы для угощенія, устраиваемаго въ складчину („въ слогъ“). Дѣвушки собирали деньги для этой складчины заранѣе (выходило коп. 20 на дѣвушку). Разскащица говоритъ, что она, какъ дѣвочка изъ бѣдной семьи, бывало за мѣсяцъ выпрашиваетъ у матери по копейкѣ. Объ обязательномъ участіи вдовы или пожилой женщины, какъ руководительницы обряда, она никогда не слыхала: дѣвушки дѣлали все сами. Отдѣльно совершали обрядъ дѣвушки, отдѣльно—дѣвочки. Маленькихъ гнали отъ себя взрослые. Дѣвочки, повидимому, подражали только взрослымъ. Напр., когда приходилось голосить, маленькія дѣлали это шумнѣе; но это, повидимому, было уже нѣкоторое неумѣніе.

Говорили: „крестить кукушку“, „будешь кукушку крестить?“, „пойдемте крестить кукушку“,—но крестинъ никакихъ не было, а были похороны. Однако, никто не говорилъ „хоронить кукушку“.

А

„Кукушку“ изготовляли съ вечера. Знали, у кого въ саду растеть хорошая заря, спрашивали, напр.: „хорошая у васъ заря?“ и шли выбирать въ одномъ ли саду или въ нѣсколькихъ. Шла одна или двѣ-три дѣвушки. За изготовленіе бралась дѣвушка, умѣющая это дѣлать. „Кукушка“ изготовлялась такъ: срѣзали зарю и обрѣзали верхушку и корень такъ, чтобы получить стволъ вышиной въ поларшина приблизительно, немного больше или меньше, нельзя было угадать, потому что это зависѣло отъ расположенія на стволѣ листьевъ. Листья срѣзались такъ, что изъ нихъ выходили ножки и ручки. Листья-ножки оттягивались книзу, потомъ срѣзали листья такъ, что оставался почти одинъ только стебель листа, а начало листа образовывали по три пальчика на ногѣ и на рукахъ. Головки не оказывалось и за нее принимали верхній конецъ стебля. Срѣзавъ и обдѣлавъ „кукушку“, дѣвушки оставляли ее на ночь подъ прессомъ, чтобы она приняла надлежащій видъ съ оттянутыми книзу ножками и чтобы не скоробились ручки.

На слѣдующій день собирались около 9 ч. въ домѣ, гдѣ было рѣшено собраться. Было очень весело. Всѣмъ бывало работы довольно: кто обряжалъ въ гробъ „кукушку“, кто занимался стряпней, кто просто суетился. Обряжали „кукушку“ дѣвушки, которыя умѣли это дѣлать. Заранѣе дѣвушки же шили ей нарядъ, какой носятъ въ этой мѣстности: рубашку съ широкими рукавами и сарафанъ. Все шьется очень тщательно: рубашку по вороту и краямъ рукавовъ обшиваютъ кружевцами. По тону раскрасицы, которая относилась ко всему этому, какъ къ дорогому воспоминанію молодости, видно, съ какимъ вниманіемъ относились къ обряженію въ гробъ „кукушки“. Гробъ заказывали деревянный столяру, и это обходилось иногда въ 1 р. Гробъ сверху былъ окрашенъ въ голубую, синюю или красную краску, „по вкусу“, а внутри, какъ настоящій, былъ обитъ коленкоромъ. Въ гробъ клали сѣно, чтобы „кукушка“ лежала какъ слѣдуетъ, не двигаясь; клали подушку, обшитую рюшикомъ, на которомъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ прикрѣпляли бантики голубые или розовые, какъ въ настоящемъ гробу. „Кукушку“ одѣвали въ саванъ. Саванъ надѣвали на „голову“, т.-е. на верхушку ствола зари, окутывали имъ „кукушку“, при чемъ освобождали руки, чтобы скрестить ихъ на груди. Опускали только одну подробность изъ на-

2007081150